
Ребенок с возрастом перестает нудить,
требовать, чтобы ему уступили место в маршрутке,
понимает, что мамы нету, что он один,
что она умерла, что какие шутки.
Вот он едет растерянный и седой,
в старом потертом пальто, с незастегнутой сумкой,
совершенно такой же уже, как до
обретения им рассудка.

Мерцающее утро. Долгий вход
в рассвет по затаившим радость крышам.
Зима молчит мелодией глухой
и, кажется, сама себя не слышит.
Но сразу видно — немота бела,
узорчатые лапки галок — звонки.
Кто ожерельем ходит по делам,
пустые не устраивает гонки.
Кто положил зерно на теплый люк,
тому простятся злые прегрешенья.
Не знаю, кто он, но уже люблю
его лицо, дыхание и шею.
Он шел во сне по зимней немоте,
чтоб накормить растрепанную стайку,
Он был Тобой, ходячий райотдел,

сосредоточенный на жизни сталкер.
Поцеловав повеселевших птиц,
сминал пакет и нес до ближней урны.
Свет замечал и начинал расти.
Иначе и не наступает утро.

так думает светящаяся тьма
чугунная ограда между веток
раскидистое ветреное лето
целующая в голову зима
так думает сворачивая влево
тихонько напевая в вышине
кецалькоатль весны по всей длине
струящий ослепительность напева
но кто я если это тоже я
скользя на лодке в центре отраженья
пытаюсь повторить его движенья
и чувствую прозрачные края

как же мне выжить если она смертельна
жизнь на минуту раньше меня с запасом
смелости умирают во мне растения
но постепенно чтобы не вся и сразу
первыми с красноватой резной бравадой
как оловянный солдатик нет деревянный
так одноного сдержанными дровами
огненно очень прямо
и остается мелкая живность вроде

мышки-полевки белки заблудшей кошки
эти боятся смотрят так и уходят
глядя с испугом можно конечно можно
можно идти остается вода и рыба
но и они замерзают и воздух с гулом
выдохнув поднимается голем глыба
памяти возвратилась ура проснулась
все что я знала до вспоминаю после
соединяю если менять местами
если вдохнуть обратно весь этот воздух
все оживут но снова меня не станет

все солнечные дни открылись в ноябре,
ноябрь из окна — почти что чашка чаю,
аквариум теней, плывущих на ребре
по воздуху, который соткан из печали

ну что же ты, начнись! с разбегом в сорок лет
получится взлететь и в небе помаячить
ну что же ты, очнись, тyani другой билет —
кленовый, например, какой-нибудь поярче

не липовый, тyani, моя другая жизнь
расходится вверху далекими кругами
...по воздуху воды, минуя этажи
и крыши, где рыбак всем рыбам помогает